

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В ПОЭЗИИ КОНСТАНТИНА МИХЕЕВА

Отличительной особенностью художественного сознания переломной эпохи конца XX – начала XXI столетия стал феномен обращения к Библии, выразившийся в аллюзиях традиционных религиозных мифов, пророчеств, сюжетов и образов.

Функционирующие у Константина Михеева библейские мотивы, образы и сюжетные аллюзии выступают как условный культурный код, транспонирующий драматические события современности в ракурс вечных коллизий. Библия является универсально-прецедентным текстом, творческая интерпретация которого осуществляется во всем поэтическом наследии поэта.

Библеизмы присутствуют в циклах «Паралипоменон» и «Solvete seclum», названия которых отсылают нас к Книге книг, как именуют Библию. «Паралипоменон» в переводе с греческого языка означает «о

пропущенных вещах», или Летописи, в западной традиции – Хроники – две (1-я и 2-я «Паралипоменон») канонические книги Танаха. Они являются обобщенной летописью священной библейской истории, начиная с родословной избранного народа, войн Давида, строительства Храма и заканчивая вавилонским пленением.

Константин Михеев в цикле «Паралипоменон» пишет третью книгу Хроник, заполняя существующие, по его мнению, пробелы в летописи истории рода человеческого.

Стихотворение «Песнь о Ниневию» начинается с эпитафии из Книги пророка Ионы, которая вошла в сборник пророческих книг Библии потому, что в ней выявлены принципиальные аспекты представления об универсальном значении пророчества и роли пророка. Описание города грешников, «*в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой...*» [Ион.3:4] предстает у Константина Михеева символом мировой цивилизации.

*Ужас мира, сжатый в горсти праха,
в жадном ожидании возмездья* [4, с. 135].

Автор рассматривает цивилизацию как конечный момент в развитии культуры, означающий ее «закат». Одна из первых попыток разведения, противопоставления культуры и цивилизации была сделана уже в конце XVIII в. И. Кантом. «Благодаря искусству и науке, – писал Кант, – мы достигли высокой ступени культуры. Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом, но нам еще многого недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре, однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» [3, с. 384].

Эта идея, к которой обращались многократно на протяжении XX века, оказала большое влияние на восприятие культуры и цивилизации, что нашло отражение в работах О. Шпенглера и А. Тойнби. Главными чертами цивилизации в поэзии К. Михеева являются рассудочность, интеллектуальный голод, практический рационализм. Автор призывает изменить ход событий:

*Разгрызи удавку пуповины,
перепачкав рот багряным суслом!
Отрекись! Сожми на горле пальцы!* [4, с. 154].

И вместе с тем Константин Михеев заключает:

*Все дороги приведут в руины
и по всем речным покатым руслам
слезы запоздалые струятся* [4, с. 154].

Апеллируя к библейскому мифу, поэт обращает внимание читателей на соотношение пророчества о Ниневии с действительностью XX столетия. Согласно ветхозаветному тексту Господь в диалоге с пророком сказал: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого...» [Ион.3:4], у Константина Михеева картина не столь оптимистична:

Своды храмов – словно гробовые.

Шаг за шагом – и приводит к смерти... [4, с. 154].

В своем стихотворении «Пророчество о Тире» поэт еще раз напоминает о предопределенности хода исторических событий и о цикличности всего происходящего на Земле.

*А тот, кто сроду немог и наг,
затерянный в безмерных временах,
упрямо жаждет неизбежной кары,
твердя: “Пребудь в веках и племенах,
в неуловимых слухом именах,
пребудь десницей, щедрой на удары [4, с. 164].*

Данное произведение является прямой отсылкой к библейскому пророчеству, изложенному в 23 главе Книги пророка Исайи. Образ великого Тира, наряду с вышеупомянутым городом Ниневией, выступает у К. Михеева своеобразным символом трагического развития мировой цивилизации. Так, в анализируемых стихотворениях исход представляется бедственным и мрачным для последующих поколений.

Стихотворение «Ависага» предстает перед читателем как своеобразное напоминание о необратимом ходе бытия, о быстротечности жизни. Константин Михеев берет за основу библейскую историю о прислужнице царя Давида. В Библии сказано: «Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждami, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю и ходила за ним и лежала с ним, – и будет тепло господину нашему, царю. И искали красивой девицы во всех пределах Израильских, и нашли Ависагу Сунамитянку, и привели ее к царю. Девица была очень красива, и ходила она за царем и прислуживала ему; но царь не познал ее» (3 Цар. 1:1-4).

Константин Михеев противопоставляет жизнь старшего и младшего поколений. Ависага символизирует буйство молодости, ей по силам «разжечь неугасимой кровью / Бог весть что – не похоть, значит память, / словно полог, прочь отбросив годы» [41, с. 157]. К образу библейской героини обращался австрийский поэт Райнер Мария Рильке, в его поэтическом наследии есть одноименное стихотворение «Ависага» (1907). Таким образом, прецедентными по отношению к лирическому

произведению К. Михеева являются сразу два текста: Библия и стихотворение Р.М. Рильке.

Факт наличия межтекстовых связей библейского сюжета об Ависаге и стихотворения исследуемого нами поэта является неоспоримым. Сравним тональность и тематику лирических произведений Константина Михеева и Р.М. Рильке. Читаем у последнего:

*Царь думал о тщете минувших дней,
о немощи своей, ворча устало, –
и о собаке преданной своей...*

<...>

*но страсти юная лоза, однако,
в нем никогда, он знал, не расцветет.
Он зяб. И вслушивался в смутный ход
своей последней крови, как собака [5, с. 465].*

К. Михеев находит слова, созвучные мыслями Р.М. Рильке:

*Если бы ты знала, Ависага,
что цветенья слаще увяданье,
наших дней длиннее наши ночи. [4, с. 157].*

В приведенном примере очевидно, что стихотворения написаны в одном эмоциональном ключе, на одну тему – необратимость бытия и истории человечества, невозможность возвращения молодости. Константина Михеева не покидает мысль о цикличности времени, что говорит об универсальном значении его поэзии.

Мотив неизбежности и обреченности пронизывает и множество других стихотворений поэта: «Отпадение Авессалома», «Исавель», «Танец Саломеи» и др.

Образ его лирического героя в произведении «Отпадение Авессалома» полностью соответствует библейскому. Сравним описание внешности Авессалома, данное в Библии: «наделенный необычайной красотой и великолепными волосами Авессалом внешне являл идеальный образ царя» (2 Цар. 14:25), с творческой интерпретацией К. Михеева:

*О, как прекрасен станом и челом
отцеотступник – царь Авессалом,
как колосится золото волос –
желанный хлеб богопротивных грез! [4, с. 158]*

По библейскому преданию над судьбой героя нависла тень вины его отца и Божьего суда над Давидом за совершенное прелюбодейание и убийство Урии. Анализируя данный миф, поэт вновь приходит к выводу о предначертании человеческой жизни. Фатум, рок, судьба рода

человеческого предопределена высшими силами, и люди не в состоянии изменить ход мировой истории.

*Но Иордан заставить вспять потечь
не смогут никогда ни лук, ни меч [4, с. 159].*

Параллели с Библией очевидны и в стихотворении Константина Михеева «Танец Саломеи», которое отсылает нас к истории иудейской принцессы, станцевавшей для царя Ирода и потребовавшей взамен голову Иоанна Крестителя. В синоптических Евангелиях эта легенда звучит так: «Во время же празднования дня рождения Ирода, дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду; посему он с клятвой обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя» (Матф. 14:6-8). Главная героиня произведения оказывается привлекательной и отталкивающей одновременно:

*Все цветы светлы и ядовиты,
пышен долгой оргии наряд,
<...>
и плывут под черной тонкой бровью,
плавно раскаляясь добела,
наливаясь пламенной кровью,
чьи-то бездыханные тела [4, с. 168].*

В «Саломее» автору удалось выразить роковую силу страсти, сметающей все на своем пути. Поэт задается риторическим вопросом: «Сколько же он стоит, этот танец?» [4, с. 169]. Ответ на него уже известен читателю, и Михеев не трансформирует его, воспроизводя библейский миф без изменений: «Жизни человеческой. Одной» [4, с. 169].

Однако тут же добавляет:

*Лишь одной. И я стою, немея,
вечное безмолвие храня...
Длится, длится танец Саломеи,
полный неизвестного огня! [4, с. 169].*

В этой заключительной строфе поэт связывает современность с библейскими образами и идеями, выраженными в афористичной форме нравственных постулатов.

Читая стихотворения Константина Михеева, осознаешь трагическую обреченность человека и культуры в целом. Автор анализируемого цикла предстает «решительным пессимистом». Он признает существование одиноких, замкнутых, завершенных кругов, организмов отдельных культур.

Все лирические произведения цикла «Паралипоменон» также представляют собой замкнутую систему. Так, стихотворение «Новая эра» перекликается по своей тематике и направленности с «Песней о Ниневии»:

*Не знает время ни любви, ни гнева,
и, круг тысячелетний описав,
опять вкушает плод запретный Ева
и к чечевице тянется Исав.*

<...>

*Минуя дни, претерпеваем смену,
но измененье нам не суждено [4, с. 155].*

К. Михеев констатирует факт неизменности мира. Люди столетиями совершают одни и те же ошибки и грехи, за которые их настигнет кара небесная. Избежать суда Божьего не удастся:

*... будут мор, и глад, и меч, и порча,
и правый суд на острие времен [4, с. 187].*

Или

*Взираем в небо мы, от звезд рябое,
дабы держать ответ перед Тобой
извечной маловерною мольбою,
исконной ненасытною алчбой [4, с. 188].*

Автор все же оставляет своему лирическому герою возможность преодоления порочного круга бытия.

*Ворочаясь среди стыда и блуда,
воруем, святотатствуем, творим...
Мы верим в Чудо, ожидаем Чудо,
не всуе о Грядущем говорим [4, с. 189].*

«Чудо» может осуществиться лишь при условии нравственного совершенствования каждого человека, каждой личности. Поэтическое наследие Константина Михеева, наполненное множеством отсылок и творческих интерпретаций библейских сюжетов и мифов, показывает возможные пути и способы развития мировой цивилизации, заставляет людей задуматься над своей жизнью, дает образцы для совершенствования их души, разума и побуждений.

Библейское писание стало прецедентным текстом для еще одного цикла стихотворений К. Михеева – «Solvat seclum». В нем осмыслиется основное событие бытия – Сотворение мира. Автор переписывает всю историю человечества: от истоков до современности.

*Круг замкнулся. Злобно и упрямо
приближаясь к стартовой черте,*

*тянутся последыши Адама
к яростной и смрадной простоте,*

*чтоб очнулась память после спячки,
поманила пустотой нора,
чтобы встал сегодня на карачки
тот, кто с Богом говорил вчера* [4, с. 190].

Примечательно, что Сотворение мира, отделение света от тьмы, а воды от суши, сотворение всего живого и человека является началом и основой Книги Бытия, Священного Писания. Бог с самого начала вступает в нашу жизнь – как Творец. В Священном Писании Бог не правитель, не громовержец, не справедливый судья, воздающий всем по делам их, не каратель, даже не благодетель, а прежде всего Творец. Константин Михеев с умилением и упоением описывает деяния Все-вышнего: *торжество Создателя упрямо / музыкой из хаоса рвалось* [4, с. 193]; *Под голубиный лепет, / под воркование лир/рука демиурга лепит / из глины и мысли мир* [4, с. 192].

Н. Бердяев в работе «Смысл творчества» пишет: «Пафос всякого гуманизма – утверждение человека как высшего и окончательного, как бога, отвержение сверхчеловеческого. Но лишь только отвергается Бог и обоготворяется человек, человек падает ниже человеческого, ибо человек стоит на высоте лишь как образ и подобие высшего божественного бытия, он подлинно человек, когда он сыновей Богу» [1, с. 104].

В стихотворении «Где ты был, неверный сын Адама...» Михеев задается извечным вопросом:

Человек... Вершина иль подножье?

Человек! Творенье или тварь? [4, с. 194].

И создает ощущение вариативности ответа на свое вопрошание. Дело в том, что первый ответ представляется невозможным, несбыточным. Автор констатирует отдаление современного человека от Бога – связь поколений оказалась прерванной:

<...> Коль ты – творенье,

то зачем же ты Творца презрел?

<...> Если тварь ты, то, сбиваясь в стадо,

повинуйся палке пастуха [4, с. 194].

Уверовать в могущество и непогрешимость человека, поставить его в центр бытия и космоса – значит разрушить связь между Творцом и творением. Подобная самоуверенность человеческого разума привела к тому, что человек поставлен в ситуацию неизбежной гибели, полного крушения и неудач; дорога жизни человека совпадает с путями Каина.

Константин Михеев поэтически воссоздает библейскую историю об изгнании и наложении запрета на месть Каину: «И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт.4:15).

Образ Каина в стихотворении поэта «Путь Каина» жалок и ничтожен:

*Влача за собою мотыгу в бурых кровоподтеках,
со дня рождения мира упрямя, угрюм, неприкаян,
в обнимку с собственной тенью, ползущей следом в потемках,
по всем пустырям вселенной бредет одиноко Каин* [4, с. 196].

Упоминание Каина указывает на радикальное неблагополучие в человеческом мире. Автор говорит о связи между грехом Адама и состоянием последующих поколений, он рисует картину, в которой ясно ощущается нарастание зла.

Перед читателями открываются два пути: путь с Богом и путь без Бога, путь добра и любви («Блажен, кто видел Бога со спины./Вдвойне блаженны души человечьи,/ что перед жадным взором Сатаны/ни веры не утратили, ни речи» [4, с. 237]) и путь зла, гордости и произвола («Не люди, а столетья полегли/на рубеже Земли Обетованной,/чтобы топтали кости их в пыли/беспамятных потомков караваны» [4, с. 238]).

Один приводит к вечной жизни, другой – к смерти. Автор констатирует: люди современной ему эпохи все чаще выбирают второй путь, исход которого описан в стихотворениях «Solvete seclum» и «Глиняные таблички вековечных прописей...»:

*вырасти ребенка
и продай человекоторговцам
построй себе дом на краю ночи
и посели в нем свою тень* [4, с. 195].

Человечество сознательно отказалось от нравственного и духовного развития, Константин Михеев с отвращением и неприязнью изображает происходящее в мире.

Атмосфера трагичности пронизывает библейские циклы Константина Михеева. Его стихотворения о первых шагах человечества и о современной действительности поэтически воссоздают истоки человеческой греховности, подтверждая ту истину, что сущностью греха является измена Богу, отступление от Него.

В своем творчестве поэт стремится не просто запечатлеть ускользающее мгновение и дать описание современной картины мира и человечества в целом, а переосмыслить бытие, восстановить корни. Это позволяет надеяться, что в будущем человек не повторит ошибок прошлого.

Литература

1. Бердяев Н. Смысл творчества / Н. Бердяев // Философия творчества, культуры, искусства. – М., 1994. – С. 104–199.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Русское Библейское Общество, 1995. – 1371 с.
3. Кант, И. Сочинения. В 6 т. / И. Кант. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – 698 с.
4. Михеев, К.Н. Стихи Мнемозине: Избранные стихотворения / К.Н. Михеев. – М.: Нов. знание, 2002. – 261 с.
5. Рильке, Р.М. Избранные сочинения / Р.М. Рильке. – М.: Рипол Классик, 1998. – 675 с.